

если будет здесь горестно,
прогнутся на старости лет провода,
если не станет в парках танцев для стариков - я
вспомню, что ты почти здесь
или я почти там, где стоило бы
остаться.

почти.

визг музыкальной шкатулки

нежно

присыпан литаврами двух мозговых полушарий
справа и слева.

оркестранты лениво разводят руками,
заливая водой корку хлеба

скоро дожди, декабрь,
гранитные плиты, перекрытия актовых залов
что-то ещё

но

в гроздьях похолоданий

будет сонливо и радостно, горячо

ибо твоё лицо не забыть за год, два,

не выбить из фокуса правым по челюсти;

сухоцветная память живет, не стесняясь

себя самой, и правильно,

город бледнеет в белой горячке, так и нужно,

а я

знаю, почти всё не зря, я почти спокоен, почти сомневаюсь,
что будет здесь горестно.

искрящийся ромб трамвая.

оголяя плечо в морозе,
в цвете античной бронзы
кулаком добивает темень
в обществе нитей накаливания
в разгоряченной своре
где каждый быстрее каждого

он менестрель, выть на луну у него

получается лучше всех лис и волков.

во всём постоянстве вещей он изменчив, как цены на нефть.

он - ромб, что силится слиться с побеленной крышей вагона в одно полотно.

а жёлтые нити рычаг, чтобы тот не бросал проводов, ведь если он бросит

то все чуть умрут, дожидаясь чего-то в колючей метели

он - менестрель,

и трамвай улетает в забор,

полубронзовый ромб с грохотом

воет

под ушлыми искрами

отец щёлкнул настольной лампой, уходя на пару часов
икеевский факел, кричащий светодиодами секунду назад
скукожился до прозрачности
и пространство вокруг тоже
забывается в угол, как мышь перед скорой смертью.
видят ли мыши что-то
вспоминают ли кого-нибудь
перед тем, как умереть?
вот бы животные умели говорить или рисовать на бумаге буквы своего языка.

снаружи толкаются пешеходы, клубы пара, автомобили, автобусы
тесно и там и тут и в груди.
день верит в спокойствие сибирской степи

сегодня, ровно как и неделю назад
меня тревожат лучи прикроватной лампы,
обжигающий чай,
дрожь в пальцах,
за дверью шаги,
обнаженная грация зимних ветров

блёкло-синей тарелкой, ломая на части причесанный пол,

я разобьюсь.

наткнувшись на иглы косоугола

снимаю пиджак.

зацелованный млеющий глаз

утопает в пыли.

и так кротко

так жалко,

опираясь на костыли,

запрокинув голову вверх

догорает огонь благовоний

в бесконечно изящной лоханке,

в слезоточащем взоре окрашенных стен

салон связи, продукты двадцать четыре,

обувь недорого

струпья вывесок слабых карнизов

наше дело - со смехом таскать гробы

вечерами

из багажника в поле,

по течению вниз

пиная бумажный кораблик,

а сейчас

передрожим как-нибудь и

работать

работать

как работают дворники
дышат, метут по дворам
как трудятся композиторы
руками, ногами и головой

в сетях рыбаки отыскали тело

снова здравствуйте

снова к нам?

выпьете?

отмашкой затертой руки на двое частей раскололся затон,

было зачем отмахиваться.

угрюмым кроссовком юничел

затрещали ладони белёдые нехотя.

нетто сто, двести, триста -

потом на ночной перегон

за гробами

как и мы

как и нами они воротят

а затем в судороге,

в провалах сознания описать спину дня

его плечи, прическу и рост

для особых примет отдельная строчка

беру пятьдесят первую!

каждый раз с ним как с братом

нигде и везде

но всегда

глаза захлебнулись ресницами
протиснулись в тонкую очередь,
цокающую копытами языков
с каждой минутой яснее и чётче.
мерцающий стук режет ухо на части
почти что закончил работу ночью,
на утро оставил самое главное,
застыв эхом на радужной площади

давайте изобразим его в виде ритма!
треугольный орнамент или красный квадрат?
кого мы хотим услышать
на побережье черной смолистой реки?
затекшие пальцы не гнутся - солдаты
без рук, одноногие
примкнули к пластмассовой рамке красного дня
и смотрят на щербатый поезд

глаза немного навывате -
полные лёгкие чистого воздуха
и, засыпая, они декламируют молча
о том, что хотели или могли
в самых лучших объятых
из всех возможных объятий земли

день цвета венозной крови.

слегка погода,

рыхлые щеки бульвара раздулись в улыбке

и многим казалось, что это знак свыше, хотя бога нет.

тонка душа человека - газетный комок. темнеет

как мокрая губка.

взъерошенной щеткой отряхивается от снега и слизи.

в пустоте неба стонали птицы

какие-то черные птицы

многим казалось, что это к беде, хотя потом ничего не было. совсем ничего.

клинья, ломкие вереницы исчезли на следующее утро. и ничего не было.

было холодно, лихорадило.

было страшно, ещё страшнее.

мечталось о мире и обо всяком.

и я подумал, что

многим казалось, что многим казалось, что

когда-нибудь всё будет хорошо.